

„СЧАСТЛИВЫЕ РОДЯТСЯ ПОД СОВЕТСКОЙ ЗВЕЗДОЙ...“
Тоталитарный дискурс
в детской советской литературе сталинской эпохи

Малгожата Рыба
Краков

Трудно определить, в какой степени пропаганда вошла в детскую литературу, не установив ранее, как она проявлялась во «взрослой». Следует обратить внимание на один существенный факт: в текстах, предназначенных для взрослого читателя, идеология вводилась прежде всего на уровне языка, зато у детей – на уровне образов и примеров, направленных на детское воображение. По этому поводу, прежде чем перейти к пропаганде в детской литературе, следует обратиться к советскому идеологическому языку, так как только узнав его важнейшие особенности, можно проследить степень влияния идеологии на детскую литературу.

После Октябрьской революции наряду с возникновением новой реальности, возник и новый язык – язык советской пропаганды. Появилась новая действительность – появились и новые слова. Вроде бы нормальный процесс, однако советская власть делала эти новые слова обязательными, поскольку с их помощью в массовое сознание вводилась официальная идеология. Советский режим требовал не просто говорить по-новому, но и по-новому мыслить. Это привело к возникновению особой разновидности русского языка, которую называют по-разному: советским языком, деревянным языком (калька с французского – *langue de bois*¹), канцеляритом (термин К. И. Чуковского), однако самым привычным названием советского

¹ Подробнее об этом см.: Г. Гусейнов, *Д.С.П. Материалы к Русскому словарю общественно-политического языка XX века*, Москва 2003, с. 21.

политического языка и другому подобным языков стал „новояз” (в оригинале „newspeak”) термин введенный Дж. Оруэллом.

Форма и структура нового языка определялись его предназначением. Следует учесть, что новояз создавался в тоталитарном государстве, а поскольку любой тоталитаризм и его идеология не могут существовать без поддержки широких масс, язык стал инструментом воздействия на человека.

Язык, – пишет М. Геллер, – важнейшее, самое могучее оружие в руках государства, решившего трансформировать человека. Создание нового языка преследует две цели: получить инструмент для выражения мировоззрения и мыслей, которые положено иметь и сделать все иные формы мышления невозможными².

Средства массовой информации, вся система образования были выстроены таким образом, чтобы внедрять этот новояз в массовое сознание и манипулировать им в соответствии с потребностями советской власти.

Как известно, слова и выражения отражают наше видение мира, и более того – наше желание определенным образом видеть этот мир. Именно поэтому в советском языке главную роль играет слово. Однако, это слово, потерявшее свой имманентный смысл, свое реальное содержание, стало „пустой скорлупой, в которую Высшая Инстанция вкладывает угодный ей смысл”³. Это государство придает значение слову, а также определяет обстоятельства его использования. Советский язык, применявшийся прежде всего в пропаганде, скрывая реальность, одновременно толковал действительность на свой лад. В результате язык как бы навязывал свой способ осмысления мира как особой реальности. Так, например, для тоталитарной власти особенно важно порождать идеологические тексты, так как они подвергают народ массивному психологическому воздействию, навязывают ему целый ряд стереотипов и мифов, которые приукрашивали действительность и обещали светлое будущее. Такого рода тексты-иллюзии помогают народу справляться с тяготами повседневной жизни, достаточно вспомнить известный лозунг, „Жить стало лучше, жить стало веселее!”⁴, провозглашенный Сталиным в 1935 году, когда была отменена карточная

² М. Геллер, *Машина и винтики*, Лондон 1985, с. 261.

³ Ibidem, с. 261.

⁴ „Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее”, – слова Сталина из речи на I Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года. К.В. Душенко, *Словарь современных цитат*, Москва 1997, с. 341.

система распределения продуктов среди горожан. Учитывая факт, что уже годом позже, ввиду неурожая, в городах выстраивались длинные очереди за хлебом, не говоря уже о массовом терроре, начавшемся после убийства Кирова в 1934 г., очевидно, что этот лозунг представлял собой чистую демагогию.

Это далеко не единственный пример: советская власть кормила граждан целым набором мифов и иллюзий. В идеологических текстах и речах люди находят отражение своих мечтаний, обоснование своих устремлений, оправданность той жизни, в которой им приходится жить. При помощи языка идеология выступает кривым зеркалом, в котором народ видит себя таким, каким ему хотелось бы себя видеть. Известный немецкий лингвист Виктор Клемперер, исследуя другое воплощение новояза – язык фашистской пропаганды, обращает внимание на один существенный факт: такая речь направлена на чувства слушателей (читателей), а не на разум⁵. При помощи подобных языковых манипуляций власть стремилась направлять массы в нужном ей направлении.

Особого внимания среди приемов языка пропаганды заслуживают лозунги, при помощи которых тоталитарная власть призывала людей к тем или иным действиям. Превосходное определение лозунга дает М. Геллер:

слово, которое не осложняется побочными ассоциациями, и требует перехода к действию [...]. В удачном лозунге сочетались „простое как мычание“ содержание и форма, характеризующаяся «восклицательной интонацией, монотонной, но упорной мелодикой»⁶.

Примерами могут послужить известные лозунги революции: „Грабь награбленное!“ или „Все на борьбу с... (вредителями, сорняками, азартными играми)“. Лозунги являются также продолжением речи, рассчитанной на веру – не на понимание. Вездесущие, повторяемые бесконечное множество раз, лозунги врезались в самые глубокие области бессознательного, приобретали большую устойчивость, становились чем-то наподобие «ходячих мнений». Например: „Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!“ или „Коммунизм – светлое будущее всего человечества!“.

⁵ В. Клемперер, *ЛТИ. Язык Третьего Рейха: Записки филолога*, Москва 1998.

⁶ М. Геллер, *Машина и винтики...*, *op. cit.*, с. 267.

О том, какое значение имели лозунги, свидетельствует хотя бы фрагмент статьи, напечатанной газетой „Правда“:

В каждый данный момент наша пресса с особой яркостью выдвигает основные лозунги, узловые пункты, ударные точки и бьет в них настойчиво, упорно, систематически – „надоедливо“, говорят наши враги. Да, наши книжки, газеты, листовки, «вбивают» в головы масс немногие, но основные «узловые» формулы и лозунги⁷.

Надо сказать, что новояз (несмотря на определение его как деревянно-ново языка), не был чем-то мертвым и неизменным. Он так же, как и любой язык, подвергался изменениям – в этом случае обусловленным прежде всего его функциями как политического языка, и задачами „пользователя“, то есть власти. Несмотря на этот факт, можно выделить основные черты советского новояза, которые не изменились на протяжении многих лет.

Михал Гловиньски выделяет четыре основных признака новояза⁸. Первый признак – важнейший: навязывание слову явного знака ценности, который не имеет права вызывать сомнений. Каждое слово несет определенную идеологическую нагрузку, а его значение подчинено оценке. В советском новоязе нет нейтральных слов – и если значение слова может быть неточным, то оценка должна быть выразительной и однозначной. В самом звучании слова дается осуждение. В результате то, что обычно выявляется в речи, в новоязе определяется уже на уровне слова, например: ш п и о н , болтун, вредитель, рабство, капитализм, империализм – слова, очень часто употребляемые в советском языке, однозначно отрицательные, имеющие определенную идеологическую окраску. То же самое касается слов положительных с точки зрения официальной пропаганды: мир, труд, коммунизм, коллектив, народ, партия. Носителями оценки в словосочетаниях чаще всего являются имена прилагательные⁹, которые ее подчеркивают, а даже усиливают: гнилой Запад, вредные политические тенденции, пустые либералы, простой рабочий, братская семья народов, несокрушимая сила марксизма-ленинизма, сталинская премия. В случае слова, нейтрального по значению, присутствие оценивающего прилагательного просто необходимо: буржуазная/

⁷ „Правда“, 1 марта 1923 г.

⁸ М. Głowiński, *Nowomowa po polsku*, Warszawa 1990, с. 8-9.

⁹ См.: М. Głowiński, *Nowomowa po polsku...*, op. cit., с. 11.

творческая интеллигенция, реакционные / советские взгляды, буржуазная/народная демократия, привет – пламенный, интернациональный, большевистский. В такой ситуации не удивляют слова гимна СССР (автор Сергей Михалков):

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь...

Текст гимна, написанный образцовым новоязом, сочетал семантически противоречивые элементы: *свободные* республики, *навеки сплоченные* Великой Русью¹⁰.

Второй признак новояза, выделяемый Гловинским – это особый синтез прагматических и ритуальных элементов. Ее прагматичность тесно связана с пропагандистской функцией, с необходимостью учитывать обстоятельства и аудиторию, причем фактором, в значительной степени ограничивающим прагматичность новояза, является ее ритуальность. Под этим термином подразумевается обязательность в определенных ситуациях говорить так и только так. Хотя существуют области «чистой ритуальности», не имеющие ничего общего с прагматикой, например, риторика речей по случаю разного рода годовщин, то особой чертой новояза является своеобразное сосуществование этих на первый взгляд исключających друг друга элементов.

Третий признак, о котором уже упоминалось – это магичность новояза. Она заключается в том, что слова не столько описывают действительность, сколько ее создают („Народ и партия едины“, „Партия наш рулевой“), причем употребление слова рождает реальность, зато неупотребление слова обрекает предмет (человека, факт, вещь) на небытие. Советский язык замалчивает то, что по разным причинам является невосприимчивым с точки зрения официальной идеологии, поэтому, например, некоторые явления вообще не были отражены в советской печати.

Формула Маркса „бытие определяет сознание“ – пишет М. Геллер, – вполне применима к советской системе, если согласиться, что бытие – реальность, в которой живут люди – создается словом. Это иллюзорная реальность¹¹.

¹⁰ См.: J. Smaga, *Rosja w 20 stuleciu*, Kraków 2001, с. 143.

¹¹ М. Геллер, *Машина и винтики*, op. cit., с. 289.

Во „всамделишности“ этой иллюзорной реальности ни на миг нельзя было, однако, сомневаться. Тоталитарный дискурс претендует на то, чтобы быть носителем абсолютной правды. Неоспоримость и ясность предлагаемых истин преподносились как факт совершенно очевидный. Как же могло быть иначе, если вся человеческая жизнь, начиная с колыбели и кончая фёдоровским воскресением из мертвых (кто знает?) преподносилась как бесконечная *ясная* дорога, залитая солнцем и изобилующая счастьем. Как писал популярный в тридцатые–сороковые годы поэт Виктор Гусев,

Мы дети заводов и пашен,
И наша дорога ясна:
За детство счастливая наша
Спасибо, родная страна!¹²

Это замечательное четверостишие встречало приветствовало детей на первой странице *Родной речи* – книге для чтения в первом классе начальной школы еще многие годы после смерти Сталина.

Четвертый признак: существование данного слова в языке зависит от высшей инстанции – оно появляется или исчезает по ее воле. Важнейшую роль в этой «процедуре» сыграла, конечно, цензура, которая не только указывала, чего нельзя писать, но и диктовала, *как* и *что* надо писать¹³.

Отмечая особенности советского идеологического языка, невозможно не обратить внимание на его крайнюю милитаризованность. Вся история советской власти была связана не только с реальными войнами, но и представляла как сплошная война с врагами народа, предателями, вредителями, капиталистическим окружением, с неурожаем и т. д. Поэтому и в ее словарном запасе мы все время встречаем такие слова как *а т а к а*, *ш т у р м*, *ф р о н т*, *н а с т у п л е н и е*, *б о р ь б а*¹⁴. Партия все время «наносила решительный удар» по своим врагам, бесконечно объявляла войну „правому и левому уклону“ и „одерживала“ победу за победой. Советский гражданин постоянно слышал или читал о „смотре сил“, о „равнении на передовых“, „командирах промышленности“ или „вылазках врагов социализма“.

¹² *Родная речь. Книга для чтения в первом классе восьмилетней школы*, Москва 1959, с. 3.

¹³ *Ibidem*, с. 274.

¹⁴ Существительное „борьба“ Г. Гусейнов назвал «официальным советским модус вивенди», поскольку советский человек боролся за всё (за высокую успеваемость, за мир, за коммунизм и т.п.) и со всеми и всем (со шпионами, с неграмотностью, с пьянством и т.д.). Подробнее об этом см.: Г. Гусейнов, *Д.С.П. Советские идеологиемы...*, *op. cit.*, с. 645.

Даже такая краткая характеристика советского языка позволяет заметить, что задача новояза сводилась к тому, чтобы разрушить способность человека к логическому мышлению и склонить его к мышлению штампами, поскольку оно бессмысленно. Таким образом, язык идеологии можно понимать как сознательно-бессознательное преобразование естественного языка, преследующее воспитательные цели или „говоря на самом языке идеологии, стремящееся создать из плохо организованного человеческого материала [...] – нового человека“¹⁵. Мы уже установили, что воспитание этого «нового человека» начиналось с первых дней его жизни, чтобы, как можно быстрее понять, какой он счастливчик, что „родился под советской звездой“.

Постигнув способ введения коммунистической идеологии в язык, можно на следующем этапе исследования проследить, какое отражение этот язык нашел в детской литературе.

Оказывается, что ввести идеологию в детскую литературу не являлось особенно трудной задачей, если учесть факт, что произведения, создаваемые для молодых читателей, опирались главным образом на определенные образцы: „правильного“ поведения (пионер, жертвующий жизнью за Родину; ребенок, разоблачающий „врага народа“), определенных ситуаций (первомайское шествие, вступление в разряды пионеров или октябрят) признанных возбуждать патриотические чувства у молодых читателей. Важно также то, что детская литература как таковая действует прежде всего на воображение детей, которое не признает абстрактных понятий и функционирует по правилам определенных представлений. Недаром Самуил Маршак, знаменитый детский писатель, подчеркивал, что „...чем моложе возраст, тем более ему нужны конкретные образы, а не отвлеченные понятия и схемы“¹⁶. В связи с этим, произведения для детей отличаются простотой и непосредственностью – как на уровне языка, т. е. в способе представления, так и на уровне содержания. Прежде всего это видно на примере детской поэзии, которая всегда является наиболее традиционной, рифмованной, и чаще всего силлабо-тонической (что, конечно, помогает малышам в быстром запоминании стишков), а также – что особенно важно – будучи литературой,

¹⁵ Г. Гусейнов, *Д.С.П. Материалы к Русскому словарю...*, op. cit., с. 19.

¹⁶ С. Маршак, *Воспитание словом*, Москва 1964, с. 568.

предназначенной для все-таки неопытного еще читателя, в большинстве случаев она не имеет ничего общего с авангардизмом¹⁷. По этой причине, советская идеология в произведениях для детей находила отражение прежде всего в определенном наборе мотивов и проблем, к которым обращались писатели, а также в пропитанию их своеобразной атмосферой идейной страстности¹⁸. Имея в виду такую особенность детской литературы, следовало писать произведения на такие темы, какие были доступными пониманию детей и в то же время вписывались в общее течение идейно ангажированной литературы.

Чтобы узнать, какие темы самые интересные для детей, в 1934 году на страницах советских газет Максим Горький обратился к молодым с вопросом, какие книги читают и какие хотели бы прочесть. Кроме «заказов» на книги про животных, растения, приключения детских героев, путешествия, появились и письма, которые потом особенно акцентировались в советской печати:

Максим Горький! Я к тебе обращаюсь с таким вопросом. Как организовалась Красная Армия и как боролась Красная Армия во время гражданской войны [...]?¹⁹

Вы спрашиваете, что нас, пионеров, интересует больше всего. На это вопрос нам трудно ответить, так как нас, пионеров, интересует все. [...] Мы хотим читать о прошлом, чтобы лучше понимать настоящее. Нам нужны классики. Мы хотим читать о революционном движении на Западе и у нас, о гражданской войне и Красной Армии, о разведке недр и о социалистическом строительстве [...]²⁰.

Мы просим, чтобы нам прислали книгу, по которой мы могли бы научиться всему политическому знанию²¹.

Нам хочется знать обо всем, а книг интересных очень мало. Вот какие книги нам нужны. О жизни и работе Ленина – большая со многими рисунками. О жизни вождей Красной Армии, революционеров, изобретателей, путешественников, ученых, писателей (старых и новых), о морском и воздушном флоте, рассказы обо всех странах, о природе [...]. Нам хочется иметь книжку, как альбом, о том, что уже построено у нас в СССР²².

Таким образом, советская власть нашла оправдание для вездесущей

¹⁷ Подробнее об этом см.: Z. Jarosiński, *Nadwiślański socrealizm*, Łódź 1999, с. 277.

¹⁸ Ibidem, с. 277.

¹⁹ *Дети отвечают Горькому* [в:] С. Маршак, *Воспитание словом...*, op. cit., с. 362-363.

²⁰ Ibidem, с. 371.

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

пропаганды предназначенной для маленьких граждан – в том числе и в литературе (если дети сами просят...)»²³.

Можно подумать, что детская литература, сосредоточившись на конкретных образах и примерах, а также образцовых героях, не обращала такого внимания на язык, как это наблюдалось в литературе для взрослых. Однако новояз нашел отражение и в детской литературе. Язык детских произведений характеризуется теми же чертами, которые мы выделили в первой части этой главы. Проследим это на конкретных примерах.

Первым из них является одна из наиболее популярных пионерских песен, впрочем упомянутая уже в нынешней работе, под заглавием *Наш край* (или шире известная как: *То березка, то рябина...*), написанная в 1955 году Антоном Пришелем. Это классическое для пионерского песенника произведение является образцовым для анализа как языка пропаганды, так и «идейной» тематики. Оно воспеваает родную природу, подчеркивает ее связь с тем, что происходит в стране создаваемого „золотого века”:

<i>То березка, то рябина, Куст ракиты над рекой: Край родной, навек любимый,</i>	родная природа – типичные для русского ландшафта растения родной = любимый
<i>Где найдешь еще такой?</i>	подчеркивается уникальность русской природы, а также Советского Союза, как лучшей страны в мире
<i>От морей до гор высоких, Посреди родных широт,</i>	выделяется величие страны, ее необъятное пространство
<i>Все бегут, бегут дороги,</i>	дорога как символ постоянного движения, символ прогресса
<i>И зовут они вперед.</i>	движение в советской стране может быть только вперед, не назад и не окольным путем. Метафора пути

²³ Следует отдать справедливость некоторым писателям, в том числе С. Маршаку, который считал, что детская книга стала слишком уж схематичной. Она сосредоточилась на „чистой” политике, забывая при этом о требованиях детей. Маршак писал: „И вот у таких-то детей, готовых с жадностью читать не только повесть о гражданской войне и о подпольной работе коммунистов в фашистских странах, но даже ежедневные цифровые сводки добычи угля в Кузбассе, – у таких читателей наши схематические, назидательные книжонки ухитряются отбить всякий интерес к политической литературе”. С. Маршак, *Дайте не описания, а случай!*, [в:] С. Маршак, *Воспитание словом...*, *op. cit.*, с. 382.

	вперед, „прямого пути как исторического процесса“ типична для дискурса пропаганды; ср. клише „наша Родина следует прямым путем ко все новым и новым свершениям“
<i>Солнцем залиты долины,</i>	тема благословенного света, ср. „солнце светлого будущего“
<i>И куда ни бросишь взгляд, Край советский, край любимый, Весь цветет, как вешний сад. Детство наше золотое</i>	метафора цветения; сад ²⁴ как аллегория изобилия весна как аллегория исторической молодости ²⁵ дети в Советском Союзе живут лучше чем где бы то ни было, неустанно подчеркивается, как страна заботится о своих маленьких гражданах
<i>Все светлее с каждым днем,</i>	подчеркивается „неустанная забота“ государства о повышении условий детской жизни в СССР
<i>Под счастливою звездою</i>	Конечно, имеется ввиду советская красная звезда, ср. известный лозунг „Счастливые рождаются под советской звездой“
<i>Мы живем в краю родном.</i>	словосочетание «родной край» в детской литературе употребляется очень часто ²⁶

Эта песня вписывается в патриотическое течение, которое делало упор на внедрение в создание детей чувства гордости за свою велико-лепную родину. В связи с этим детская литература изобиловала произведениями утверждающими, что Советский Союз это „самая-самая“ страна на земле: самая большая в Европе река – Волга, самое большое в мире озе-

²⁴ Сравнение родины с весной находим и у Владимира Маяковского – в его хрестоматийном стихотворении эпический герой-поэт воспевает свою страну: „И я как весну человечества рожденную в трудах и в бою, пою мое отечество, республику мою“.

²⁵ Можно было бы сопоставить эту „историческую молодость“ с загниванием и „предзимним“ закатом капиталистического общества, но многие могут счесть это преувеличением.

²⁶ Вообще прилагательное „родной“ являлось одним привычных определений для всего, к чему следовало внедрить любовь – Сталин тоже был «родным» для детей, ср. *Спасибо родному Сталину за счастливое детство!*

ро – Каспийское море, абсолютный полюс холода – Верхоянск, а также то, что СССР занимает одну шестую часть мира. Физические размеры страны, а также ее моральное величие были важнейшими догматами пропаганды и составляли особый предмет гордости советского человека²⁷. Вокруг этой темы, обращает на себя внимание хрестоматийное для советских учебников стихотворение Михаила Исаковского *Поезжай за моря-океаны...*:

Поезжай за моря-океаны
И над всею землей пролети,
Есть на свете различные страны,
Но такой, как у нас, не найти.
Глубоки наши светлые воды,
Широка и привольна земля,
И гремят, не смолкая заводы,
И шумят, расцветая, поля.
Чутким сердцем и мудрой рукою
Нам великая дружба дана,
И живут неразрывной семьею
Все народы и все племена.
Все они, словно братья, желанны,
Всем просторно расти и цвести...
Поезжай за моря-океаны,
Но дружнее страны не найти²⁸.

Если в случае пионерской песни обращает на себя внимание ничем не ограниченная стихийная радость, то во втором процитированном произведении тем, что бросается в глаза, является приподнятый тон стихотворения. Безусловно, оба произведения направлены на чувства, они должны ввести читателя в определенное настроение. Свершается это при помощи употребленных слов: край советский, любимый, родной; счастливая звезда; все светлее; вперед; золотое детство; цвести; расти; солнце; или чуткое сердце; мудрая рука; великая дружба; неразрывная семья... Сто-

²⁷ Такой подход можно назвать „идеологической географией СССР”. Что интересно – она не ограничивалась пределами „небольшого” земного шара, а охватывала и космос – ведь советский человек был „покорителем космоса”, а потому Советскому Союзу приписывалось моральное превосходство над всей вселенной.

²⁸ Е.Е. Соловьева, Н.Н. Шепетова, Л.А. Карпинская, В.И. Волынская, А.А. Канарская, *Родная речь: книга для чтения в III классе начальной школы*, Москва 1946, с. 3.

ит подчеркнуть, что многие из этих словосочетаний являются типичными для языка советской пропаганды, и встречаются не только в детской литературе. Кроме того, как подобает пропагандистскому языку, каждое из этих слов, а впоследствии и весь текст, несет оценку, подчиненную идеологическим целям. В обоих из рассматриваемых произведений дается однозначно положительная оценка, но есть и такие, которые создают негативные образы, например стихотворение Сергея Михалкова *Враг*:

Твои друзья за рубежом
Платили за разбой,
Ты лез к нам в дом и к нам в семью
Гремучею змеей,
Ты продал родину свою,
Мы видим ненависть твою,
Злодейский облик твой!²⁹

Это стихотворение, кстати – в свое время вошедшее в состав учебников, демонстрировало советского человека, решившего „причинить вред родине“. В свете того, о чем прежде упоминалось, т. е. в создании настроения при помощи определенных слов, а также введения оценки уже на уровне языка, не удивляет факт, что Михалков вместо глагола «лез» не употребил другого слова, напр. „приходил“ или „навещал“. Дело в том, что „лезть“ несет в себе выразительную отрицательную оценку, точно так же, как „крепкие“ слова: разбой, гремучая змея, продать родину, ненависть, злодейский облик. В самых только словах дается осуждение, ярко определяется поступок „предателя“.

В данной работе неоднократно подчеркивалось, что язык создает действительность. Эта черта имеет особую ценность в тоталитарном государстве, поскольку язык, будучи одним из орудий пропаганды, формировал мир и мировоззрение людей. Литературные тексты, проникнутые духом советской пропаганды, показывали своим юным читателям мир таким, каким он должен быть, а не каким был. В том и заключается магическая функция новояза, который создавал сказочный образ страны-рая для детей. Нельзя обойти вниманием и того, что в создании иллюзии при-

²⁹ С. Михалков, *Враг* [в:] К. Келли, *Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда*, „Новое литературное обозрение“ 2003, № 60, с. 232.

меняются слова из „детского мира“ – „Под солнцем / небом Родины, под мирным / счастливым / чистым небосводом, в самой лучшей на свете Советской стране расцветает счастливое советское детство“.

Очередным примером создания такой иллюзии может послужить образ Ленина, с которого пропаганда сделала не только великого вождя революции и воплощение всех положительных черт, но и лучшего друга детей³⁰. С целью приблизить детям лицо Владимира Ильича, литература создала для них два образа: мудрого, доброго дяди, а также Володю: Ленина-ребенка³¹. Первый образ вождя находим относительно чаще, чем детское воплощение. Он присутствует во многих произведениях: рассказах, повестях, пионерских песнях, стихотворениях, а также в самых первых текстах для самостоятельного чтения. Все это стало определяться названием „ленинианы“.

Особого внимания среди этих произведений заслуживают *Рассказы о Ленине* Михаила Зощенко³². Эти короткие рассказы, напечатанные в 1939 году, рисуют факты из жизни Ленина, призванные в доступной форме раскрыть маленькому читателю положительные черты вождя революции. Они построены по интересной схеме – каждый рассказ опирается на одно достоинство Ленина, например:

доброе совестность – рассказ *Графин*, согласно которому маленький Володя два месяца испытывал угрызения совести по поводу разбитого в гостях графина. Только после того, как он честно признался в содеянном, он мог спокойно заснуть.

находчивость – рассказ *Чернильница из хлеба* описывает историю о том, как Ленин перехитрил надзирателей в тюрьме, когда писал революционные тексты молоком, а вместо настоящей, он сделал себе чернильницу из хлеба, которую съедал, как только в камеру заходили охранники.

железная воля – *Как Ленин бросил курить*. Ленин, когда узнал, что у его матери не хватает денег, бросил курить в один день.

скромность – *Ленин в парикмахерской* – история о том, как Ленин отказался стричься без очереди.

³⁰ Сталин, конечно, тоже был «лучшим другом детей», но все-таки литература чаще упоминает про Ленина.

³¹ Появились даже имена – **Ледруд** (Ленин друг детей), **Лелюд** (Ленин любит детей).

³² В советское время эти рассказы вошли в состав книг для обязательного чтения, однако авторство Зощенко не акцентировалось.

работоспособность – Как Ленин учился. В этом рассказе утверждается, что Ленин не только был чрезвычайно способным мальчиком, но и при этом очень работоспособным – он занимался также физкультурой.

Отметим, что пропаганда в рассматриваемых произведениях Зощенко не так уж настойчива, как в других произведениях. Это примечательно хотя бы на уровне языка. Можно это заметить при сопоставлении двух фрагментов произведений подобной тематики:

Из зала в зал переходя,
Здесь [в Музее В.И. Ленина – М. Р.] движется народ.
Вся жизнь великого вождя
Передо мной встает.

Я вижу дом, где Ленин рос,
И тот похвальный лист,
Что из гимназии принес
Ульянов-гимназист.

Здесь книжки выстроились в ряд –
Он в детстве их читал,
Над ними много лет назад
Он думал и мечтал.

Он с детских лет мечтал о том,
Чтоб на родной земле
Жил человек своим трудом
И не был в кабале [...] ³³.

В сопоставлении с пафосом произведения Михалкова рассказ Зощенко поражает своей детской простотой ³⁴:

Ленин учился очень хорошо, даже замечательно. Он получил золотую медаль за окончание гимназии. И в высшем учебном заведении он тоже, наверно, очень бы хорошо учился. Но, к сожалению, начальники исключили его из университета, потому что он был

³³ С. Михалков, *В Музее В.И. Ленина* [в:] С. Михалков, *Стихи и сказки*, Москва 1960, с. 313-314.

³⁴ Советская критика писала о *Рассказах...*: „...из множества слагаемых личности Ленина бережно отобрано главное, то, что доступно юному сознанию и без чего немислимо представление о Ленине“. Л. Ершов, *Михаил Зощенко*, [в:] М. Зощенко, *Избранное в двух томах*, т. 1, Москва 1978, с. 23.

революционер. А этого начальство не терпело. И царь тоже не позволял революционерам учиться. В общем, Ленину не позволили учиться в университете.

Другой человек на месте Ленина так и остался бы без высшего образования. Но Ленин этого не захотел [...]»³⁵.

Конечно, художественная форма этих рассказов была подчинена принципу доступности юному сознанию – отсюда ее простота. Впрочем, именно такая форма повлияла на популярность этого сборника. С точки зрения данной работы особенно интересным является рассказ, который говорит об отношении вождя революции к детям – *Как Ленину пытались подарить рыбу*. Сюжет рассказа построен на истории, случившейся в «голодное время», когда все, в том числе и Ленин, питались сухарями. Тогда-то трудящиеся захотели подарить своему вождю рыбу, но тот отказался от подарка и распорядился, чтобы рыбу отдать детям в детский дом. Таким образом, дети получили очередную историю про Ленина – лучшего друга детей, всегда заботящегося об их благе.

Нет никакого сомнения в том, что детская литература сыграла огромную роль в формировании мировоззрения юных читателей. Как гордо заявлял председатель правления Союза советских писателей Николай Тихонов, годовой тираж детских изданий составлял к началу 1980-ых годов 500 миллионов экземпляров; детские и юношеские журналы также выходили миллионными тиражами³⁶. К тому же детские книги и журналы стоили копейки. Возможности влиять на сознание „маленьких граждан Страны Советов“ были поистине огромными. Увенчались ли усилия партии и правительства СССР, стремившиеся воспитать достойную себе смену, успехом? Появилось ли новое поколение людей, думавших только по-советски? На эти вопросы невозможно ответить однозначно. С одной стороны, никто не мог избежать влияния советской пропаганды. Даже сейчас, в 2007 году, когда мы пишем эти слова, 25% респондентов голосовало бы за Сталина, если бы он баллотировался на пост президента России. С другой же стороны, даже в самые темные годы идеологического террора многие люди остались верными принципам правды, честности, здравого разума и доброты. Правозащитники

³⁵ М. Зощенко, *Рассказ о том, как Ленин учился* [в:] М. Зощенко, *Избранное...* указ. соч., с. 320.

³⁶ Н.А. Тихонов, *Детям – счастливое будущее*, [в:] Е.Ч. Новикова, *Забота партии о женщине-матери. Опыт КПСС в решении женского вопроса*. Москва 1981, с. 10.

шестидесятих и семидесятих годов, а также Булат Окуджава, Александр Галич, Венедикт Ерофеев, Владимир Высоцкий и многие-многие другие честные и добрые глашатели правды были детьми и читали детские книги в суровые годы сталинской диктатуры.

„The Happy Are Born Under the Soviet Star...”

Totalitarian Discourse in Children's Literature of the Soviet Stalin Era

The article analyses the impact of Stalinist era communist ideology language on the language of Russian children's literature of the time. The Author concludes that the projection of propaganda language on the sphere of children's literature had happened in a relatively easy way since texts for very young readers by its very nature present attitudes valued as normative and positive (thus fulfilling functions analogous to propaganda communications for adult readers). Moreover, by avoiding the descriptions of abstract notions, they are characterised by simplicity and directness – both at the level of the language and the content. The Author analyses the ideological message addressed at children on the examples of various literary genres: Pioneer's song (*Наш край* by Anton Prishelts), didactic poem (*Поезжай за моря-океаны...* by Mikhail Isakovski and *В Музее В. И. Ленина* by Sergei Mikhalkov), or the famous *Stories of Lenin* by Mikhail Zoshchenko.

„Szczęśliwi się rodzą pod gwiazdą radziecką...”

Dyskurs totalitarny w dziecięcej literaturze radzieckiej epoki stalinowskiej

W artykule analizowany jest wpływ języka ideologii komunistycznej epoki stalinowskiej na język rosyjskiej literatury dziecięcej tego czasu. Autorka wnioskuje, iż projekcja języka propagandy na sferę literatury dziecięcej dokonywała się w stosunkowo łatwy sposób ze względu na to, iż utwory dla bardzo młodych czytelników z natury swojej eksponują postawy oceniane jako normatywne i pozytywne (a więc spełniają funkcje analogiczne do propagandowych przekazów dla dorosłych czytelników), a ponadto, unikając opisu pojęć abstrakcyjnych, charakteryzują się prostotą i bezpośredniością – zarówno na poziomie języka, jak i treści. Autorka analizuje kierowany do dzieci przekaz ideologiczny na przykładzie utworów szeregu gatunków lite-

„СЧАСТЛИВЫЕ РОДЯТСЯ ПОД СОВЕТСКОЙ ЗВЕЗДОЙ...”

rackich: piosenki pionierskiej (*Наш край* Antona Priszelca), wiersza dydaktycznego (*Поезжай за моря-океаны...* Michaiła Isakowskiego i *В Музее В. И. Ленина* Siergieja Michatkowa), czy słynnych *Оповідань о Ленinie* Michaiła Zoszczenki.